

Годенко Надежда Михайловна

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ПЬЕСЕ А. ГЛАДКОВА "ДАВНЫМ-ДАВНО"

Пьеса "Давным-давно" относится к корпусу текстов, созданных в 1930-1940-х годах как вариации на темы из русской истории. Драматург А. К. Гладков строил свою героическую комедию на отсылках к произведениям русской классической литературы, отдавая предпочтение не верности фактам, а верности историческим идеалам, единым и для войны 1812 года, и для современности. Данная статья посвящена анализу культурных отсылок и переключек, выраженных, кроме прочего, в деталях и сюжетных реминисценциях, во многом заместивших, согласно авторскому замыслу, реалии описываемого исторического периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.09

Филологические науки

Пьеса «Давным-давно» относится к корпусу текстов, созданных в 1930-1940-х годах как вариации на темы из русской истории. Драматург А. К. Гладков строил свою героическую комедию на отсылках к произведениям русской классической литературы, отдавая предпочтение не верности фактам, а верности историческим идеалам, единым и для войны 1812 года, и для современности. Данная статья посвящена анализу культурных отсылок и переключек, выраженных, кроме прочего, в деталях и сюжетных реминисценциях, во многом заместивших, согласно авторскому замыслу, реалии описываемого исторического периода.

Ключевые слова и фразы: героическая комедия; специальная лексика; сервиллизм в искусстве; «квазиисторизм»; анекдот; исторический антураж; оборонная литература; прототип.

Годеко Надежда Михайловна, к. филол. н., доцент

Литературный институт имени А. М. Горького

n-godenko@mail.ru

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ПЬЕСЕ А. ГЛАДКОВА «ДАВНЫМ-ДАВНО»[©]

История создания героической комедии «Давным-давно» не стала предметом интереса специалистов. Сам автор упоминает о ней и в своих воспоминаниях, посвященных Борису Пастернаку, и в обширных и до сих пор только частично изданных дневниках. Однако цельной картины на основании доступных источников составить нельзя. Можно лишь предположить, что драматург не любил это произведение, с удивлением, а то и откровенным недоумением наблюдал за успехом своей юношеской, как бы случайно сочиненной пьесы. Мы не стремимся реконструировать историю возникновения пьесы «Давным-давно». Наша задача заключается в том, чтобы попытаться проанализировать использованный драматургом художественный метод и на основании этого предложить свою интерпретацию уже ставшего классическим произведения.

Представляется не вполне справедливой оценка, данная этой пьесе литературоведом Лидией Гинзбург. Говоря о различных авторских позициях, в том числе, о сервиллизме в искусстве, она упоминает и пьесу Александра Гладкова, «патриотическую комедию с героикой и переодеваниями, рассчитанную на одобрение», впрочем, сразу оговариваясь, что это «не халтура, а увлечение» [1, с. 313].

Автор, конечно, надеялся на успех, а со временем от судьбы будущей пьесы во многом стали зависеть судьбы драматурга и его близких: арестованному брату надо было посылать деньги и передачи, тогда как источника постоянного заработка не имелось. Отсюда кровная заинтересованность в воплощении задуманного – Гладков продолжал работать над пьесой, даже когда соавтор (вначале произведение задумывалось как коллективное) остыл и отошел в сторону. Впрочем, если судить по дневниковым записям, сюжет, построенный на реминисценциях из истории о кавалерист-девице, придумал именно Гладков. Он искренне радовался замечательной находке, при этом нетрудно предположить: берясь за пьесу в стихах, Гладков вряд ли представлял конечный результат. Это была, так сказать, «попытка с негодными средствами», если не чистая авантюра. Стихи Гладкова, даже и более позднего времени, показывают, что в этой области словесности он отнюдь не силен. Для комедии в стихах, которой требуются, в первую очередь, легкость, гладкость слога, – и приблизительность рифмы, и ритмические сбои – очень серьезные недостатки. А потому огромный успех пьесы был еще более ошеломителен. Успеху этому искренне завидовал даже боготворимый автором Борис Пастернак, который смотрел «Давным-давно» в Театре Красной Армии и не раз спрашивал Гладкова, что нужно для пьесы, пользующейся всеобщим признанием.

Не пытаясь ответить на этот почти метафизический вопрос, попробуем разобраться в особенностях гладковской пьесы, почему она пришлась ко времени и каково значение в ней специальной лексики, ибо речь идет о пьесе на тему, взятую из истории уже отдаленной. Сразу надо отметить, что пьеса, посвященная войне 1812 года, была актуальна по нескольким причинам. Во-первых, появление такого рода произведений вызвано определенной конъюнктурой. Близились не очень круглый юбилей, который, по тогдашней традиции, отмечали бы необычайно торжественно и пышно. Следует, в этой связи, напомнить, что хорошо чувствующие ситуацию авторы в расчете на грядущие торжества делали подобающую отсылку в своих сочинениях, даже если параллель между прошлым и современностью устанавливалась ими явно искусственная. Например, в романе Льва Кассиля «Великое противостояние» (1941-1947) рассказывается о съемках патриотического фильма из эпохи войны с Наполеоном, хотя с тем же успехом можно было выбрать для этого гипотетического фильма любой другой временной период. Характерно, что Лев Кассиль не учитывал историческую реальность: в романе отсутствует предощущение скорой войны с фашистской Германией. Когда обстоятельства изменились, автору пришлось чисто механически соединять книгу первую, где говорилось о кино, со второй, посвященной военным будням.

Гладков подходит к избранной теме более конструктивно. Пьеса «Давным-давно», пусть и очень по-своему, связана с «оборонной литературой». Государство готовилось к грядущей войне, искусству был выдан заказ на удачные аналогии и прецеденты. Литераторы подыскивали нужный пример, рассказывали

о неизбежной победе над врагом, проецируя это в ближайшее будущее, наподобие Николая Шпанова и Петра Павленко, или в более отдаленное прошлое. Не отставали и кинематографисты: Сергей Эйзенштейн сделал фильм «Александр Невский» (1938), Всеволод Пудовкин снял картины «Минин и Пожарский» (1939) и «Суворов» (1941). Перечисление нетрудно продолжить.

В этом смысле пьесу «Давным-давно» можно рассматривать как эталон «квазиисторического» произведения, построенного на документах беллетристики. Реалий в пьесе мало, но и те, что имеются, вряд ли следует интерпретировать как реалии исторические. Скорее, речь идет об «усредненных» деталях, создающих некий антураж, не характеризую при этом конкретную ситуацию. Если одежда, то кокошник [2, с. 8], чекмень [Там же, с. 9], амазонка [Там же, с. 12], если танцы, то полонез [Там же, с. 38], котильон [Там же] и вальс [Там же, с. 39], если блюда, то консоме [Там же, с. 19], рагу [Там же] (характерно, что и эти блюда фигурируют в оборотах, отнюдь не связанных с трапезой: «рагу из скверных шуток», «из дурных предчувствий консоме»), напитки – непременно клико [Там же, с. 40], жженка [Там же, с. 83] (причем этот напиток упомянут не героями пьесы, а в ремарке автора), пунш [Там же, с. 85]. То же касается и военных реалий: ментик [Там же, с. 42], павлоградский мундир [Там же, с. 20], шпоры [Там же, с. 40], пистоль [Там же, с. 51], взвод [Там же, с. 65], полк [Там же], адъютант [Там же], аксельбант [Там же, с. 66], приказ [Там же, с. 65], корпус [Там же, с. 70], корнет [Там же, с. 20], фельдмаршал [Там же, с. 106], поручик [Там же, с. 15] – вот едва ли не весь их набор. Следует также учесть инерцию некоторых именовании, лишаящую их смысла, превращая в устойчивое клише. Так, в словосочетании «поручик Ржевский», повторяемом многократно и фигурирующем в ремарках, звание Ржевского уже не фиксируется публикой, то же можно сказать и о звании «корнет», присвоенном Шурой Азаровой. На основании этих лексических рядов можно утверждать, что в пьесе не делается особый смысловой акцент ни на бытовой лексике, маркирующей сферу повседневной жизни, быта, ни на лексике специальной, здесь – военной, составляющей область чрезвычайно разработанную и весьма градуированную [5].

Разумеется, Гладков, человек очень культурный и начитанный, при необходимости мог бы собрать по источникам великое множество точных подробностей и деталей. Более того, обдумывая будущее пьесу, он работал в библиотеках [3]. Но таков принцип, положенный в основу произведения. Автор претит скрупулезность историка, он настолько свободен от диктата прошлого, что поступает и чувством психологической достоверности: вряд ли юные дворянки с восхищением рассуждают о перспективе «стать актеркой» [2, с. 17], почти невозможно, чтобы девушка в платье, даже самом простом, могла «вскочить на подоконник», а потом спрыгнуть в сад [Там же, с. 32]; сомнительно, чтобы в походных условиях подчиненные тут же забили выбитое перед тем окно [Там же, с. 169], для чего нужны – инструмент, сноровка, подручные материалы. И наверняка из области фантастики то, что барышня, пусть и наряженная в чужой мундир, с готовностью отправилась стреляться из пистолетов. Девушка самой отчаянной храбрости без тренировки попросту не смогла бы удержать пистолет, весивший, в зависимости от образца оружия, 1500-1800 граммов (для сравнения, можно поднять в вытянутой руке современный утюг с удобной эргономичной рукояткой).

Просторечье в пьесе, наряду с историческими реалиями, также представлено скупо и не исполняет особой выразительной функции, несмотря на то, что лексика такого рода, как правило, обладает немалой экспрессией. Кузина героини Надин говорит: «Кажись, я век не танцевала!» [Там же, с. 8]. Камердинер Иван предлагает пить вино без бокалов: «А то из горла без сумленья...» [Там же, с. 195].

Бранная лексика представлена значительно полнее. Шура говорит, что «не видела... противней рыла» [Там же, с. 44]. Камердинер Иван честит себя: «Вот остолоп!» [Там же, с. 57]. Различные персонажи используют определение «бестия», при этом исключительно в форме «бестья» [Там же, с. 67]. Словосочетание «три тысячи чертей» не сходит с уст поручика Ржевского. Так, познакомившись с нареченной невестой, поручик Ржевский говорит в сторону: «Три тысячи чертей! Она глупа, как пробка!» [Там же, с. 30]. Но все же и бранная лексика не наделена автором специальными функциями.

По нашему мнению, указанная тенденция связана с тем, что драматург ставит смысловое ударение на иных лексических единицах. В пьесе много если не узнаваемого, то наверняка знакомого. Это естественно, поскольку автор использовал отсылки и реминисценции из русской литературы. Вот лишь некоторые. Куклу героини зовут Светлана, имя это не только известно по хрестоматийной балладе «Светлана» (1813) Василия Жуковского, но и отмечено особым культурным статусом [6]. Французский язык, в том виде, как им пользуются герои, например,

Вздор эти слухи о войне.
Се ридикюль [2, с. 37]!

приводит на память написанную макароническим стихом сатирическую поэму Ивана Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (1840-1844), запрет гусар говорить о выпивке – «об водке ни полслова» [Там же, с. 73] – есть отсылка к стихотворению Дениса Давыдова «Песня старого гусара» (1817). Имена и фамилии персонажей также литературного происхождения: Зизи и Мими, Горич из «Горя от ума» (1822-1824), граф Нурин – модификация фамилии персонажа поэмы «Граф Нулин» (1825). Полушубок, отданный героиней французскому офицеру, – это подаренный Гриневым Пугачеву тулупчик из повести «Капитанская дочка» (1836).

Как видим, система ассоциаций связана с русской литературной классикой, и связь такого рода предполагалась автором, тогда как связь с исторической действительностью, что мы уже отмечали, в планы автора не входила. Имена реальных исторических лиц в пьесе занимают очень малое место. По разу упоминаются Богарне [Там же, с. 147] (упоминание это дано в авторской ремарке), Мюрат [Там же, с. 151], Даву [Там же, с. 167],

три раза Наполеон [Там же, с. 26, 157, 170], также несколько раз упомянут Кутузов. Сама сцена с участием Кутузова явно апокрифическая. Следует отметить, что автор был обрадован, найдя этот сюжетный поворот [9]. За образами полковника Давыда Васильева и Шуры Азаровой угадываются прототипы – поэт, герой Отечественной войны Денис Давыдов (1784-1839) и кавалерист-девица Надежда Дурова (1783-1866), но такого рода знание ничего пьесе не добавляет. В этом смысле показательно замечание самого Гладкова: «Весь Ржевский вышел из стихотворения Дениса Давыдова – «Решительный вечер»» [4, с. 197]. По-видимому, автор не ведал (или не придавал тому значения), что у этого персонажа имелся реальный прототип – Сергей Семенович Ржевский, фигурант скандалов и любитель розыгрышей, в остальном совсем не схожий с поручиком Ржевским. Реального Ржевского мать его попыталась было «впихнуть... в гвардию» [10, с. 15], но он до того оказался непригодным к военной службе, что пришлось его по просьбе начальства забрать обратно [Там же, с. 16]. Впрочем, наличие прототипа также не имеет решающего значения, поскольку театрально-кинематографический поручик Ржевский – образ собирательный [7, с. 7].

Драматург обедняет и усредняет бытовую и специальную лексику, но на таком «обедненном» фоне отчетливой видна именно связь с корпусом русской литературы, духовной основой современного человека, который сможет защитить от врага великую национальную культуру лишь в том случае, если будет в качестве источника моральных сил для борьбы использовать эту культуру.

Даже незапланированные ассоциации в пьесе служат, хотел того автор или нет, для отсылки к тогдашней современности. Так, эпизод, где французы, чтобы согреться, жгут книги из библиотеки старого Азарова, хозяйина усадьбы [2, с. 148-149], напоминает о публичном уничтожении книг нацистами, недаром огню предается, в основном, классика: Лафонтен [Там же, с. 148], Мольер [Там же], Вольтер [Там же, с. 148, 166], Корнель [Там же, с. 153].

Именно связью с современностью, оптимизмом, бодростью характеров и верой в грядущую победу, а не отсылкой к реальной истории 1812-1814 годов пьеса «Давным-давно» покорила зрителей. Кстати, это заметил и Борис Пастернак: «Разговор с Б. Л. о прочтенной им – «Давным-давно», – записывает Гладков в дневнике. – Верные и яркие краски фона. Он густ, точен и мягок. Увлекательная наивность в ведении сюжета. Ваша лучшая черта – пленительная доверчивость воображения. Пьеса изящна в полном смысле слова... Очень интересен Пельмов... Мне почему-то хочется, чтобы он стал партнером Шуры вместо Ржевского к финалу. Ржевского я бы сделал фигурой более комической. Он искусственно попадает к концу в герою...» [4, с. 128].

Собеседник оказался прав: фигура поручика Ржевского, громогласного бурбона, искреннего и ограниченно-го, со временем стала фигурой чисто комической. И возобновленная на сцене – Гладков был арестован, находился в лагере, пьеса была снята с репертуара – комедия «Давным-давно» пользовалась у публики успехом. А поручик Ржевский после экранизации, сделанной режиссером Эльдаром Рязановым к очередной, на сей раз столетилетней годовщине войны 1812 года, стал фигурой нарицательной, перешел из героической комедии в серийные анекдоты [8; 11]. Признаемся, анекдоты эти такого рода, что их невозможно здесь процитировать.

Чем продиктована такая метаморфоза? Причин этому несколько: актуальность темы была полностью исчерпана, герой трактовался в фильме, скорее, как brutальный дурак, нежели мужественный, пусть и недалекий гусар. Следует также добавить, что определенные коррективы внесла и музыка, написанная композитором Тихоном Хренниковым для первой постановки пьесы. Комедия в стихах и музыкальная комедия – разные жанры. Смысловые акценты, расставленные автором, сместились, на первый план вышли вставные песенные номера, среди которых «Колыбельная Светлане», «Жил-был Анри Четвертый...», «Давным-давно». Манипуляции автора с лексикой и реалиями перестали восприниматься кинозрителями. Справедливости ради надо отметить, что пьеса подверглась значительной перделке со стороны режиссера, вплоть до вписывания отдельных фрагментов. Произведение Гладкова, таким образом, перешло в иной жанровый регистр.

В связи с этим логично вспомнить самый первый опыт постановки гладковской пьесы. По-своему расставляя художественные акценты, режиссер Николай Акимов добивался смысловой определенности. Он сменил заглавие, взяв в качестве такового фразу из пьесы. Героическая комедия под названием «Питомцы славы» шла в Ленинградском театре комедии как пьеса открыто патриотическая, звавшая к победе над фашизмом.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.
2. Гладков А. Давным-давно. М.: Советский писатель, 1978. 536 с.
3. Гладков А. Из дневников [Электронный ресурс] // Наше Наследие. 2013. № 106. URL: <http://www.nasledie-gus.ru/podshivka/10609.php> (дата обращения: 03.06.2014).
4. Гладков А. Поздние вечера. М.: Советский писатель, 1986. 336 с.
5. Годенко Н. Словесный портрет эпохи. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2010. 230 с.
6. Душечкина Е. Светлана. Культурная история имени. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 227 с.
7. Клянин Р. В. Вступление // Ржевская Н. П. Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. С. 4-7.
8. Лурье В. Ф. «Поручик Ржевский, старый мой приятель» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/rjevsky.html (дата обращения: 03.06.2014).
9. Преданный мастер (Всеволод Мейерхольд в дневниках А. К. Гладкова 1936-1940 годов) [Электронный ресурс] / предисл. и публ. Сергея Шумихина. URL: <http://igorkurl.livejournal.com/94558.html> (дата обращения: 03.06.2014).
10. Ржевская Н. П. Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. 120 с.
11. Седов А. Ф. Разрешите представиться: поручик Ржевский! (анекдот с точки зрения традиций культуры). Балашов: Издание альманаха «Весь», 2004. 72 с.

HISTORY AND THE PRESENT IN A. K. GLADKOV'S PLAY "LONG LONG AGO"

Godenko Nadezhda Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Maxim Gorky Literature Institute
n-godenko@mail.ru

The play "Long Long Ago" belongs to the corpus of texts created in the 1930-1940s as variations on the topics from the Russian history. The playwright A. K. Gladkov constructed his heroic comedy on the references to the works of the Russian classical literature, giving preference not to the adherence to facts but to the adherence to the historical ideals common both for the War of 1812 and for the present. This article is devoted to the analysis of the cultural references and similarities expressed in addition in details and plot reminiscences taken the place in many respects according to the author's message of the realia of the described historical period.

Key words and phrases: heroic comedy; special vocabulary; servilism in art; "quasi- historicism"; anecdote; historical entourage; defence literature; prototype.

УДК 82.09

Филологические науки

В статье на материале, почерпнутом из сборника стихов Евгения Евтушенко «Можно все еще спасти» (2011), рассматриваются проблемы, порожденные удаленностью от стихии родного языка, следствием чего являются языковая глухота, ошибочная трактовка реалий, нарушение законов орфоэпии, обращающиеся, в конечном счете, деформацией художественного мира, поскольку автор не способен контролировать и направлять вышедшие из подчинения и спонтанно развивающиеся процессы автономизации неподконтрольных ему смыслов.

Ключевые слова и фразы: Евгений Евтушенко; иноязычная среда; Ойген Розеншток-Хюсси; русская транскрипция; профессиональная лексика; языковая глухота.

Годенко Надежда Михайловна, к. филол. н., доцент
Литературный институт имени А. М. Горького
n-godenko@mail.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК «С ТОГО БЕРЕГА»
(О ЯЗЫКЕ КНИГИ Е. ЕВТУШЕНКО «МОЖНО ВСЕ ЕЩЕ СПАСТИ»)[©]**

Задача данной статьи – продемонстрировать на материале русской поэзии постсоветского периода то, как используемая автором лексика участвует в конструировании художественного мира, при этом роль, которую играет лексическая составляющая литературной ткани, не всегда созидательная: ошибочное или неточное использование лексических единиц, связанное зачастую с незнанием реалий, сомнительным их истолкованием, может не только исказить первоначальный замысел, но и в некоторых случаях разрушить смысловую конструкцию.

Проблема, положенная в основу нашей работы, а именно – давление чуждой языковой среды и чреватая катастрофой оторванность писателя от стихии родного языка, представляется куда более значительной, нежели принято ее оценивать. Как правило, проблема эта отходит на второй или третий план, бывает заслонена либо вовсе подменена проблемой отсутствия читательской аудитории, драматизмом существования литератора на чужбине. Однако значение ее давно, если и не осознали, то почувствовали сами литераторы, попавшие в положения не только и даже не столько политических, сколько языковых изгоев. Вспомним хотя бы рассказ А. Аверченко о русском писателе, волею судеб оказавшемся в эмиграции. Писатель этот, всходя на корабль, чтобы плыть к иным берегам, посылает прощальный привет родине, ностальгически вспоминает прожитое, кроме прочего, и ресторан «Медведь», где можно было запить ароматный расстегай рюмкой чудесной рябиновой. А спустя два года, обосновавшийся в Париже, этот персонаж рисует нечто из российской жизни, как ее помнит: «Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржъен. Один молодой господин ходил по одна улица по имени сей улица: Крешиатики. Ему очень хотелось *manger*. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в *restaurant*, где скажишь: *garcon, une tasse de рабинович* и одна застегайчик *avec тарелочка с ухами*» [1, с. 118]. Уха, особой формы пирог с начинкой, рябиновая на коньяке – все преобразилось в памяти по мере того, как вживался персонаж в иноязычную среду, а родной язык постепенно забывался, реалии выветривались.

Представляется, что автор рассказа «Трагедия русского писателя» не относился к сочинению этому с большой серьезностью. Рассказ юмористический и создан для того, чтобы потешить читателей. В том, что забавная эта фантазия на самом деле есть пророчество, в полной мере убедиться автор не успел, хотя интуиция его не обманула. Тем не менее, то, что потери неизбежны, показал творческий путь даже таких мастеров, как И. Бунин, А. Куприн, Е. Замятин, не говоря уже об авторах менее оригинальных и самостоятельных.